

В старые годы. Ги де Мопассан

ГОСПОЖЕ КАРОЛИНЕ КОММАНВИЛЬ.

Сударыня,

Я поднес Вам, когда Вы одна только ее знали, эту маленькую пьеску, которую проще было бы назвать диалогом. Теперь, когда она сыграна перед публикой и ей аплодировало несколько друзей, разрешите посвятить ее Вам.

Это мое первое драматическое произведение. Оно принадлежит Вам во всех отношениях, так как, быв подругой моего детства, Вы стали потом моим другом, прелестным и серьезным; и как бы для того, чтобы нас еще более сблизить, наша общая привязанность к Вашему дяде, которого я так люблю, нас, я бы сказал, сроднила.

Благоволите, сударыня, принять в дар эти несколько стихов, как свидетельство преданности, уважения и братских чувств Вашего искреннего друга и старого товарища

Ги де Мопассана

Париж, 23 февраля 1879 г.

Я никогда не позволил бы себе опубликовать эту незначительную комедию, не выразив живейшей благодарности просвещенному и благожелательному лицу, которое ее приняло, и талантливым артистам, которые снискали ей аплодисменты.

Без г-на Балланда, так великодушно открывающего свой театр безвестным и отвергаемым в других местах авторам, – она, может быть, никогда не была бы сыграна. Без г-жи Додуар, столь тонкой артистки, трогательной и очаровательной в роли старой маркизы, и без г-на Лелуара, исполненного такого достоинства в роли седовласого графа, – никто, без сомнения, не сумел бы ее заметить.

Благодаря их участию успех превзошел мои надежды, – и поэтому я хочу написать их имена на первой странице, в знак уверения в моей глубокой признательности.

Ги де Мопассан

Париж, 23 февраля 1879 г.

Комната в стиле Людовика XV. Жарко пылает камин. Зима. Старая маркиза сидит в кресле с книгой на коленях; она, видимо, скучает.

Слуга (докладывает)

Его сиятельство!

Маркиза

Входите же скорей!

Как мило, что своих вы помните друзей.

Почти с тревогой вас я нынче поджидала:

Вас видеть каждый день уже привычкой стало;

К тому ж какая-то печаль томит меня.

Идите ж посидеть со мною у огня;

Поговорим.

Граф (поцеловав ей руку, садится)

И мне, маркиза, грустно что-то,

А ведь под старость грусть больше, чем забота.

В сердцах у молодых бьет радость, как родник;

В их небе облачко бывает лишь на миг.

У них везде – любовь, дела, исканья, цели,

А мы, без радости, едва бы жить сумели.

Грусть убивает нас, она всегда к нам льнет,

Как плющ безжалостный к сухим стволам. И вот –

От зла подобного нам защищаться надо.

Был у меня д'Армон и – горькая отрада! –

Мы пепел прежних дней разворошили вновь,

Друзей припомнили, прошедшую любовь...

И с этих пор, как тень, что не дает покою,

Былая молодость все реет предо мною.

В тоске, измученный, пришел я к вам, – вдвоем

Мы посидим, мой друг, и вспомним о былом.

Маркиза

А мне – все холодно; от стужи сердце ноет.

Я вижу – снег валит, я слышу – ветер воет.

Как в нашем возрасте терзает нас зима;

С ней кажется, что ты вот-вот умрешь сама.

Ну что ж, поговорим; пусть хоть воспоминанья

Былым теплом пахнут на холод увяданья.

В них солнце чувствуешь...

Граф

А для меня зимой

И солнца бледен луч, и небо скрыто тьмой.

Маркиза

Ну, вспомним о каком-нибудь безумном деле...

Вы, как я слышала, легко клинком владели:

Беспечный юноша, красивый и живой,

Богатый светский лев, с надменной головой,

Резвились вволю вы; всегда у вас дуэли

С мужьями, а у дам сердца рвались и млели –

Как многие о том шептали мне не раз, –

Лишь только шум шагов им возвещал о вас.

Коль не солгали мне – вы были забиякой,

Повесой записным, буяном и гулякой;

Вам на три месяца пришлось попасть в тюрьму

За мужа, что в своем повесился дому,

Жену смазливую, как говорят, имея...

Жена крестьянина, – о граф, что за идея!

Из-за нее – в тюрьму! Будь дамою она,

Будь обаятельна, красива и знатна –

Тогда пожалуй... Ну, не вспомните ль интрижки

Со светской дамою – изящной страсти вспышки

И шкаф классический, где застигает вдруг.

Под ворохом тряпья, любовника супруг?

Граф

Но почему всегда, всегда лишь дама света?

Мы любим и других. Знатны иль нет – ведь это

Пустое! Женщины пленять нас рождены.

Где прелесть, красота – там предки не нужны!

Маркиза

И слушать не хочу о приключенье пошлом!

Иные есть у вас: поройтесь лучше в прошлом.

Ну, не упрямитесь, граф, начните же рассказ.

Граф

Когда вы просите, возможен ли отказ?

Пословица, клянусь, недаром утверждает:

«Что хочет женщина – того и бог желает»...

Представлен ко двору, доверчивый юнец, –

Я быстро жизнь узнал; мечтам пришел конец!

К примеру: я любил, как водится, безмерно

Графиню де Поле. Она казалась верной;

И все же с другим застиг я как-то раз.

Два месяца подряд, не осушая глаз,

Преглупо я рыдал! Но при дворе и в свете

Смеялись досыта: ведь рады люди эти

Свистать несчастью и выхвалять успех!

Коль я обманут был – я возбуждал лишь смех;

Подругой вскоре был утешен я другою...

Но нежность получал я не один, не скрою:

Стихи ей посвящал поэт, соперник мой, –

Он звал ее цветком, небесною звездой

И как-то там еще. Ему послал я вызов.

Он, мирный щелкопер, таких был чужд капризов,

И, шпаги убоясь, плохой скропал сонет.

Тут надо мной, глупцом, вновь посмеялся свет.

Урок на этот раз пресек мои сомненья:

С тех пор я начал всех любить – без исключенья.

Девизом я себе пословицу избрал:

«Кто верит – тот глупец». И с ним я счастлив стал.

Маркиза

Да, но в былые дни вы, в пламенном томленье,
У ног красавицы вздыхая в упоенье,
Любовь, и преданность, и нежность ей отдав, –
Так вы сказать могли б?

Граф

О нет! И все ж я прав:

Ведь женщина – дитя, ее избаловали,
Ей льстили без конца, без меры восхваляли;
Присяжные льстецы и рифмачей рои
Как бы из крана ей хвалебные струи
Точили – весь настой поэзии туманной, –
И стала женщина надутой и жеманной.
А может ли она любить? Да никогда!
Не робкий юноша ей нужен, чьи года
Страдают лишь одним: уменьем вдохновенно
Любить; ей по сердцу развратник, что мгновенно
Умеет вызвать дрожь, в кровь холод влить и зной:

Он, видите ли, сей прославленный герой

(Заслуга редкая, хоть тип довольно старый) –

Первейший ловелас всей Франции с Наваррой.

Ни ум, ни красота, ни доблести ему

Совсем не надобны. Ведь мил он потому,

Что пожил всласть. Пред ним – вот странное явленье! –

Сам ангел чистоты падет без промедленья.

Но если кто другой попросит только взгляд

Как милостыню дать – насмешкой заклеят!

Потребуют луну с небес достать в награду!

И это не одна, – поймите же досаду! –

Но многие!

Маркиза

Ах, так? Ну что ж, благодарю!

Сейчас и я в ответ вам басню подарю.

Однажды старый лис, до мяса очень жадный,

Голодный и хромой, брел ночью непроглядной

И вспоминал с тоской о пиршествах былых:

О жирных кроликах, что в зарослях лесных

В те дни он лавливал; о курах на насесте.

Но лакомств тех родник иссяк с годами вместе,

Проворство потеряв, постыться должен он.

Вдруг дичи дух к нему был ветром донесен.

Он замер, молнии в его зрачках блеснули:

Заметил он цыплят, что на стене заснули,

Под крылья головы стараясь подвернуть.

Но лис отяжелел, да и опасен путь, –

И слицемерил он, хоть есть хотел до дрожи:

«Худы... и хороши для тех, кто помоложе!»

Граф

Маркиза, это зло! Но вам я принужден

Напомнить кое-что: Далила и Самсон,

Омфала и Геракл, Антоний – Клеопатра...

Маркиза

Печальна же мораль любовного театра!

Граф

Нет! Человек есть плод, разъятый пополам.

Чтобы счастливым стать, он в мире – здесь иль там –

Все дольку отыскать старается вторую,

А случай, сам слепец, – ведет его вслепую.

И никогда почти на жизненном пути

Единую, свою, не суждено найти.

Но кто ее найдет – любовь находит с нею...

Я верю – были вы той долькою моею,

Вас бог назначил мне, лишь вас искал я, но...

Не мог найти. Любить мне не было дано!

И вот, когда прошли всю жизнь мы с вами розно, –

Судьба свела пути... свела, но слишком поздно!

Маркиза

Вот это лучше... Все ж, коль вы верны грехам,

Столь малою ценой не откупиться вам.

И знаете ли, граф, с чем ваше сердце схоже?

С берлогой старого скупца: в пугливой дрожи

Он озирается, когда хоть кто-нибудь

К нему придет, – зачем? ограбить? обмануть? –

И отвести глаза он хочет грудой хлама.

К чему увертки нам? Поговоримте прямо!

У скряги – сундучок, монеты полный, скрыт,

И сердце каждое всегда свой клад таит.

Что скрыли вы? Портрет девчонки, чуть созрелой,

Так – лет шестнадцати; идиллии несмелой

Воспоминание, что, чуть стыдясь, хранят...

Не правда ль? Но порой как жаждешь кинуть взгляд

На эти образы, померкшие с годами,

Романы юности, пережитые нами...

Пускай нахлынет грусть – отрада в грусти той!

Как в одиночестве ночном влечет порой

В глубь сердца заглянуть и в книжечке заветной

Найти сухой цветок, хранящий чуть заметный,:

Чуть слышный аромат далекой той весны!

Прислушались... еще – и вдруг воскрешены

Слова возлюбленной, и вы самозабвенно

Целуете цветок, чьи лепестки нетленно

В страничках сердца спят, как бы в страницах книг.

Пусть старость скорбь несет – вы счастливы на миг:

В тоску последних дней и в горечь увяданья

Далекой юности влилось благоуханье!..

Граф

Вы правы: только что со дна души моей

Всплыло забытое, – в течение стольких дней!

Я расскажу его, но будьте откровенны

И вы со мной, мой друг! Условия неизменны:

Капризом – за каприз, и за рассказ – рассказ.

Начните первая.

Маркиза

Ну что ж, начну... сейчас...

Моя история – ребячество простое.

Но чувство, в юности душой пережитое,

Все крепнет, уходя во глубь минувших дней,

Подобное вину: чем старше, тем пьяней.

Истorieк таких вы, верно, тьму слышали:

Романы детские у всех девиц бывали;

Их два иль три найдешь у женщины любой,

А у меня – один; таков уж жребий мой!

Должно быть, потому он сердце мне и ранил

И места в жизни всей чрезмерно много занял.

Мне восемнадцать лет исполнилось. Читать

Романы ветхие любила я, мечтать,

По парку старому бродя в густой аллее,

И на луну глядеть, что, призрака бледнее,

Светила между ив, и слушать ветерок,

Что о любви шептал, слетая на листок.

Я, как все девушки, ждала и призывала

«Его», кого судьба лишь для меня избрала!

И вот сбылись мечты: явился мой герой!

Он молод был и храбр, к тому ж красив собой...

И сердце девичье мучительно заныло:

Я полюбила вдруг; меня нашел он милой...

Назавтра уезжал мой рыцарь... Что еще?

Один лишь поцелуй, скользнувший горячо,

Да всё сказавший взор, им – лишь прошла минутка –

Забытый... Он шепнул: «Она мила, малютка».

То голос сердца был. Но пусть накажет бог

Того, кто детскою шутить любовью мог!

Ах! Женщина у вас – безлюба? Лишь желанья

Играют ею?.. Что ж! То ваших рук созданье!

Она могла б любить, – но рады обмануть

Вы первую ж любовь, что ей согрела грудь.

Бедняжка, я была глупа и легковерна, –

Конечно, кажется вам все смешным безмерно –

Раз вам любовь смешна... – я так его ждала!..

Он не вернулся, нет... Я к алтарю пошла

С маркизом. Но, клянусь, я предпочла того бы!

Вот все, что в сердце есть, – груз горечи, не злобы.

Откройте мне свое...

Граф (улыбаясь)

Вам исповедь нужна?

Маркиза

Как! Насмехаться вновь? Хоть с вами я дружна,

Не отпущу грехов, смотрите, будет плохо!

Граф

Итак – Бретань. Была та страшная эпоха,

Что Террором зовут. Дрались по всей земле.

Я средь вандейцев был, в отряде у Стоффле.

Тут начинается рассказ мой. За Луару

Переправлялся враг. Препятствуя удару,

Мой маленький отряд (лишь сотня партизан –

Друзья отважные, да несколько крестьян),

Со мною во главе, отдельными постами

Разбился по лугу, укрывшись за кустами:

Тыл защищали мы, насколько было сил.

Но, дав последний залп, отряд наш отступил,

Рассеялся, и вмиг – нет ни души. Нежданно –

Передо мной солдат из вражеского стана

(Он, верно, меж кустов пробрался к нам ползком!)

Вскочил и – выстрелил. В долгу пред шутником

Не оставаться же! Его я сбил без дрожи.

Две пули мне в плечо всадить успел он тоже!

Мои все далеко... И, на решенье скор,

Коню я изодрал бока ударом шпор

И поскакал в поля. Я мчался как безумный,

И ветер бил в лицо, неистовый и шумный...

Но наконец без сил, измучен, истомлен,

Весь окровавленный, я рухнул. Вижу – склон,

А выше – огонек: там хижина жилая,

Там голоса слышны. Стучусь я, заклиная:

«Во имя короля, откройте поскорей!» –

И, захрипев, без чувств свалился у дверей.

Я весь закоченел, потратя крови много...

Не знаю, долго ли лежал я у порога,

Но на постели и в тепле очнулся я.

Собралась вокруг меня крестьянская семья:

Ко мне склонились все в сочувственной печали

И – не очнись ли я – с тревогой ожидали.

И вижу вдруг: среди бретонских мужиков,

Как птичка дикая средь вялых индюков,

Стояла девушка. Шестнадцать лет! Ребенок!

Но вся – изящество! Стан небывало тонок!

Прелестное лицо и нежный шелк волос,

Под чепчик спрятанных. За пару этих кос

И королева бы отдать богатства рада.

А ножки! – для графинь и зависть и досада!

Да, в добродетели мамыши до конца

Я не был убежден: на месте бы отца

За право авторства не спрашивал я много!

Но как она мила! А взор, глядевший строго

И целомудренно!.. Три ночи и три дня

Малютке привелось выхаживать меня.

И я за ней следил: вот только села – встанет,

Неслышно отойдет; молитвенник достанет

И молится, О ком? Не обо мне ль, больном?

Иль о другом? Скользнет по комнате потом

Такими легкими, бесшумными шагами

И взглянет на меня янтарными глазами.

Цвет глаз – как у орла – прозрачно-золотой,

И та же гордость в них с бесстрашной прямою.

Впервые встретив вас, я вновь нашел нежданно,

Такой же самый взор, маркиза! Как ни странно,

Янтарный этот цвет (как будто луч насквозь

В глаза проник) у вас найти мне довелось...

Была она такой прелестной и невинной,

Что, сам не знаю как (три дня ведь – срок недлинный!),

Влюбляться начал я... Тут утром, как назло,

Орудий дальний гул и грохот донесло.

Хозяин мой вбежал весь бледный, потрясенный:

«Беда! там Синие! Видны уж батальоны!

Спасайтесь!» И хоть слаб еще я был тогда,

Но надобно спешить; вскочил я без труда:

Как конь, что весь дрожит, сигнал заслышав к бою,

Так я был весь взбодрен тревогой боевою.

Спешу, но у крыльца – стоит и ждет она,

Вся в черном, капли слез в глазах, бледна, грустна,

И держит мне коня. Готов лететь карьером,

Я все ж, с коня склонясь любезным кавалером,

Превесело ее поцеловал. Тогда

Она отпрянула, зардевшись от стыда,

И – молнии в зрачках, вся выпрямясь надменно:

«О сударь!» – молвила. Тут понял я мгновенно:

Она совсем не то, кем я ее считал!

Ее манеры! Вид! Как я впросак попал!

Дворянской девушке нанес я оскорбленье,

Из рода знатного! Малютку, без сомненья,

Скрывала старых слуг почтенная семья,

Пока ее отец сражался там, где я.

Признаться, в глупое попал я положенье!

Но – Дон-Кихот в душе (к тому ж воображенье

Полно романтикой наивных старых книг) –

Я соскочил с коня и перед нею вмиг

Колено преклонил: «Мадмуазель, простите

Безумный мой порыв! Поверьте и поймите,

Что этот поцелуй – не лгу я никогда! –

Не ветреником дан. Вы верите мне? Да?

И коль позволите, – он дан в знак обрученья.

Я вновь сюда вернусь, лишь кончатся сраженья,

Чтобы залог любви, что отдан вам, найти». –

«Пусть так, – она в ответ, – счастливого пути!

Прощайте, мой жених! – шлет поцелуй воздушный, –

Готова я вину простить вам простодушно,

Но, незнакомец мой, вернитесь поскорей!»

И тут я ускакал...

Маркиза (печально)

Вы не вернулись к ней?

Граф

Увы!.. Но почему – мне не найти ответа!

Я думал: любит ли меня малютка эта?

Ведь виделись мы миг! А я люблю? Я сам

Не знал. Не мог решить. Ну, я вернусь, но там –

Что я найду? – Ее в замужестве счастливом,

Любимую другим, в кругу детей шумливым...

Что ж, предложение поспешное глупца

Скользнуло без следа по ней, как бред юнца;

Воспоминания, возможно, и остались...

Да и найти ль ее мне там, где мы расстались?

Не обманулся ль я? Не сохранить ли мне

Воспоминание нетронутым вполне,

Чтобы жила она в моих мечтах такую,

Какой ее видал?.. Вернуться к ней? Не скрою, –

Боялся, что, взглянув, разочаруюсь я...

Но смутная печаль с тех пор томит меня,

Как наваждение, она мне сердце гложет:

Ведь счастье жизни всей я оттолкнул, быть может...

Маркиза (с рыданием в голосе)

А может быть, она любила вас сильнее?

Но, впрочем, все равно: вы не вернулись к ней...

Граф

Мой друг, я совершил большое преступление?

Маркиза

Я только что от вас слыхала рассуждение,

Что «человек есть плод, разъятый пополам.

Чтобы счастливым стать, он в мире – здесь иль там –

Все дольку отыскать старается вторую,

А случай, – сам слепец, – ведет его вслепую.

И никогда почти на жизненном пути

Единую, свою, – не суждено найти.

Но, кто ее найдет, – любовь находит с нею...

Я знаю, были вы той долькою моею,

Вас бог назначил мне, лишь вас искал я, но...

Не мог найти. Любить мне не было дано:

И вот, когда прошли всю жизнь мы с вами розно, –

Судьба свела пути... свела, но слишком поздно!..»

Да, слишком поздно все... вы не вернулись... нет!..

Граф

Вы плачете, мой друг!..

Маркиза

Тому уж много лет,

Я знала девушку, описанную вами;

Рассказ ваш грустен, я – и залилась слезами.

Пустое...

Граф

Та, кому я слово дал шутя,

Маркиза, были вы!

Маркиза

К чему скрывать? Да, я..:

Граф, опустившись на колени, целует ей руку, Он очень взволнован.

(После минутного молчания.)

Ну, позабудем все. Давно опали розы...

Нам не к лицу уже все эти страсти, грозы...

Как посмеялся б тот, кто увидал бы нас!

Ну, встаньте. Наш роман закончится сейчас:

Не в нашем возрасте манить любовь былую!

Я вам залог верну; теперь посметь могу я:

Ведь я не девочка под сенью сельских струй!

(Целует его, потом с грустной улыбкой.)

Но как он постарел, ваш бедный поцелуй.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 131. Омфала – мифологическая царица древней Лидии, настолько покоровшая влюбленного в нее Геракла, что он согласился выполнять женскую работу – прясть у ее ног.

Стр. 134. ...страшная эпоха, что Террором зовут. – Эпохой Террора французы называют время якобинской диктатуры от 31 мая 1793 года до 27 июля 1794 года.

Стоффле (1751-1796) – один из генералов вандейской контрреволюции.

Стр. 136. Синие – войска французской революции XVIII века.